

месла. Впрочем, брошюра Шкловского не достаточно строга, недостаточно выдержана, чтобы отвечать, как следует, последней цели. Она оставляет двойственное впечатление ненужного педантизма и брошенного на ветер остроумия.

Н. Локс.

К. ЧУКОВСКИЙ. Жена поэта (Авдотья Яковлевна Панаева). Петербург. Изд-во «Эпоха». 1922. Стр. 37.

Автора этой работы, как он сообщает в предисловии, всегда прельщали такие книги, как «Воображаемые разговоры» Уолтера Сэвэджа Лэндера или «Воображаемые портреты» Уолтера Патера. Он и задался целью, по обрывкам, намекам, случайным упоминаниям, разбросанным в мемуарной литературе, создать «воображаемый образ» Авдотьи Яковлевны Панаевой, воскресить облик женщины, которую когда-то любил Некрасов. Надо отдать справедливость автору, нарисовал он этот портрет мастерски. В этой работе Корней Чуковский предстает перед нами не столько в роли критика или историка, сколько художника. В этом смысле разбираемая книжка должна быть, пожалуй, отнесена к литературе художественной.

Работу эту почитатели и хранители «традиций», вероятно, будут бранить. Не за стиль автора, изящный, острый и, как всегда, стремительный и живой; не за тонкость работы, которую можно было бы порекомендовать многим, но, главным образом, за то обстоятельство, что Чуковский, игнорируя установившееся в среде историков литературы правило не касаться интимных сторон жизни писателя,—этими как раз сторонами и занялся. Истории литературы и в самом деле нет никакого смысла заниматься исследованием вопроса: грешил ли Некрасов, влюблялся ли в женщин, в каких именно—и т. д. и т. д. Все это лежит вне интересов исторических. Но К. Чуковский историко-литературных задач себе и не ставил. Его заинтересовали не идеи и не смена литературных форм, а живой человек, и потому-то материал, мимо которого проходили

историки с полным равнодушием, как незаслуживающего внимания, под его пером получил значение чисто красочное: с его помощью он извлек из забвения образ женщины, в историческом смысле ничтожной, но любопытной по той роли, которую она сыграла в жизни поэта. Для личной биографии Некрасова работа Чуковского имеет, конечно, свое значение. Читается книжка с интересом—как все вообще его писания. Причиной является то, что в нем сидит большой беллетрист, и не совсем обосновательно одному из сборников своих статей он дал подзаголовок «Критические рассказы». Это в некоторой степени обезоруживает критику, направленную против «критических» писаний нашего автора: с ними трудно спорить, так как они не притязают на обязательность. Их можно или принять или отбросить. Но таланты, как и факты—великие нахалы: с ними ничего не поделаешь. Ничего не поделаешь и с Корнеем Чуковским: его «принимаешь» даже тогда, когда с ним не соглашаешься, потому что то, что он делает,—он делает мастерски и с талантом.

Вяч. Полонский.

А. Ф. КОНИ. Некрасов и Достоевский по личным воспоминаниям. Кооперат. Издат. литераторов и ученых. Петербург, 1921 г. 82 стр. 2.5.0 экз.

Столетняя годовщина со дня рождения двух великих русских людей, — поэта Н. А. Некрасова и писателя Ф. М. Достоевского, несмотря на тяжелые условия издательского дела, вызвала много литературы: критических статей, воспоминаний, биографий для широких масс и однодневных газет, типа журнала.

Книжка такого человека, как А. Ф. Кони, приковывает к себе внимание прежде всего. Во-первых, он прекрасно знал и Некрасова и Достоевского не только по литературе, рассказам современников, но и по личным встречам, которые так живо и ярко сохранились в памяти автора. Во-вторых, блестящее перо А. Ф. Кони, его теплота и задушевность, не переходящая в слащавую сентимен-